

СТАТИСТИКА И ДИНАМИКА
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.
(О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
СТАНОВЛЕНИЯ АБСОЛЮТИЗМА)

В основу данной статьи положено первое «Полное собрание законов Российской империи» (I ПСЗ), та его часть, которая заключена в первом, втором и в первой половине третьего тома и охватывает период после Соборного уложения 1649 г. и до февраля 1696 г. После падения правительства Софьи 7 сентября 1689 г. во главе стало правительство М. К. Нарышкина, которое продолжало править от имени обоих царей, Ивана и Петра. После смерти Ивана 29 января 1696 г., с начала следующего месяца, появляются законодательные акты от имени Петра. Этот рубеж целесообразно считать конечной точкой для истории законодательства второй половины XVII в.

Уже дореволюционные историки права отметили ряд существенных недочетов ПСЗ.¹

В советской историографии итог этим наблюдениям подвел Б. М. Кочаков. Отметив, что ПСЗ является важным источником по истории права и учреждений, Б. М. Кочаков указал следующие недостатки издания: 1) содержание не отличалось полнотой; 2) отбор материала производился без учета важности того или иного постановления, и силу этого напечатано немало частных и временных постановлений; 3) включены материалы незаконодательного характера — международные акты (о заключении мира, пограничных переговорах, шертные грамоты), объявления о событиях в царской семье (рождения, смерти, бракосочетания), описания церковных церемоний (водоосвящения на Иордани, омовения святых мощей, церемония шествия патриарха из осляти и т. п.).² Это то, что касается содержания законодательного материала и его состава. Но и в передаче текста публикуемых актов имеются серьезные недостатки. Не приходится говорить, что со стороны требований археографии, не только современной, но и конца XIX в., ПСЗ не выдерживает критики. Поскольку нас интересует количественная сторона дела, включая динамику норм права по содержанию, то недочеты археографической стороны не являются препятствием. Другое дело, когда речь идет о полноте издания.

Е. Замысловский, обстоятельно разобравший второй том ПСЗ в связи с темой своего исследования, относительно полноты издания

¹ Филиппов А. И. К вопросу о составе первого Полного собрания законов Российской империи. М., 1916.

² Кочаков Б. М. Законодательные материалы как исторический источник // Архивное дело. 1940. № 3. С. 17—31.

отметил, что в нем «пропущено довольно значительное число община постановлений», но, к сожалению, не пришел никаких данных по этот счет и одновременно подчеркнул, что в том «замечании самый важный по своему содержанию материал».³ А. Н. Филиппов, ссылаясь на данные И. И. Шумко, подчеркивает, что узаконения, в большом числе не вошедшие в первые тома ПСЗ, носят преимущественно частный характер.⁴ У большинства авторов указания на неполноту издания относятся в основном к более поздним томам (с XVIII в.) и особенно ко II ПСЗ. Б. М. Кочаков прав, когда отмечает наибольшую полноту I ПСЗ.⁵ Следуя этой линии рассуждений, допустимо признать, что в составе I ПСЗ значительной полнотой отличаются именно первые тома, охватывающие вторую половину XVII в. Но всяком случае на основе имеющихся в литературе данных можно утверждать, что в интересующие нас первые три тома I ПСЗ попало наибольшее число законодательного материала, относящегося ко второй половине XVII в. и включающего наиболее крупные по размерам и значимости законодательные акты — указы, новоуказные статьи по важнейшим отраслям права и т. п.

Сложнее вопрос, касающийся упрека в том, что у составителей ПСЗ отсутствовал критерий определения общего и частного и подборе законов. Отсюда в издание попало немало частных и временных постановлений. К ним отнесены, например, грамота свияжскому воеводе 1650 г., предписывающая ввиду «оскудения плуодов земных» «на Москве и во всех городах. . . и Филиппов постановление 159 г. «постыться со всяким благоговением», грамота 31 августа 1656 г., указывающая, что ввиду болезни Алексея Михайловича писать надо ныне о всяких делах царевичу Алексею Алексеевичу, именной указ 9 мая 1675 г., требующий выслать в определенному сроку в Москву и в Сивск для службы столыпков, стряпчих, дворян московских и жильцов. Приводя такого рода примеры, Б. М. Кочаков отметил, что в ПСЗ включены не только законы (распоряжения, утвержденные царем или от его имени высшими правительственными учреждениями), но также «все те правительственные акты, которые, не будучи законами в собственном смысле, имели общую силу закона».⁶ Такого рода постановлений частного и временного значения в ПСЗ помещено довольно много. Все они безусловно подходят под общее и широкое понятие закона, принятое составителями ПСЗ.

Видимо, целесообразно осмыслить данное явление в аспекте общего процесса генезиса и истории права. Касаясь такого аспекта проблемы, М. С. Явич писал: «Исторически (и логически) генезис права осуществляется от казуса к общей норме. Такое положение совпадало с тенденцией государственной деятельности — государство постепенно переходило от спорадического участия в охране

³ *Замечательный Е. Царствование Федора Алексеевича*. СПб., 1871. Ч. 1. С. 31, 33.

⁴ *Филиппов А. Н. К вопросу о составе. . .* С. 69.

⁵ *Кочаков Б. М. Законодательные материалы. . .* С. 18.

⁶ Там же. С. 18, 19.

обычного права или судебного прецедента к довольно активной нормативной деятельности.⁷ Вдумываясь в эту формулу, нетрудно заметить, что она дает и ответ на вопрос, почему сосуществуют в рамках одного права XVII в. законодательные акты, содержащие общие нормы, и акты, относящиеся к частным единичным случаям. В Русском государстве XVII в. продолжалось становление права как формы надстройки, когда законы сложны и рядом носят и казуальный характер и шли от казуса к норме. В первых томах ПСЗ имеется немало случаев, когда в основе именного указа или иной формы акта лежало разрешение частного случая, из которого выводилась затем общая норма. Отсюда и разнообразие формы законодательных актов (указ, боярский приговор, наказ, статейные списки, грамоты), и их взаимодействие. Связано это и с тем, что закон — понятие историческое. В царский период да и в период империи не было точного понятия закона. Царская и императорская власть считалась единственным источником закона, а поэтому не было определения его документальных форм, как не было и критерия для установления различия закона и административного распоряжения. Кодификационная же практика склонялась к приравниванию законом великого повеления, исходящего от царя.⁸ Сказанное дает основание считать, что необходим учет всей совокупности законодательных актов как общего значения, так и по частному поводу. Таким способом устанавливаются полнота законодательного процесса XVII в. и особенности развития права за данный отрезок времени.

Всего в I ПСЗ, не считая Соборного уложения (№ 1), с февраля 1649 г. и до начала февраля 1696 г. имеется 1535 актов, обозначенных номерами. К ним следует добавить 24 акта, опубликованных в ПСЗ за тот же период под литерными номерами. Из общего количества актов следует вычесть 146 актов незаконного характера. Получаем 1413 актов. К этому числу я добавляю обнаруженные в свое время мною указы и боярские приговоры по отраслям права — земельного, крестьянского и городского, не вошедшие в ПСЗ, в количестве 45 актов.⁹ Итого получаем 1458 актов.

Рассеянные в специальной литературе сведения о законодательных актах второй половины XVII в., отсутствующих в ПСЗ, как убедил меня просмотр такой литературы, не несут заметных изменений и не оправдают затрат времени на их выявление. Фронтальные же поиски законодательного материала в архивах по всем видам права потребуют большого времени и едва ли под силу одному человеку. Да и мой собственный опыт выявления в архиве законодательных актов наталкивает на мысль, что в количественном от-

⁷ Явич А. С. Общая теория права. М., 1976. С. 38.

⁸ Кочиков Б. М. Русский законодательный документ XIX—XX веков // ВИД. М.: И., 1937. С. 321—325; Маркова Н. Г. Основные тенденции законодательных актов Российской империи (1830—1917) // Актуальные проблемы архивоведения и источниковедения. М., 1983. Ч. 2. С. 75—78.

⁹ Мамкин А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.: И., 1962. С. 22—322.

ношении эти результаты могут быть относительно скромными. Если же распространить на первый и третий тома ПСЗ суждение Е. Замысловского, отнесенное ко второму тому, о том, что в нем напечатан «самый важный по своему содержанию материал»,¹⁰ что бесспорно справедливо, и принять во внимание то, что сказано выше о полноте и составе первых трех томов ПСЗ (см. с. 176), то становится очевидным, что заключенный в них материал может быть достаточным основанием для выявления основных процессов и развития русского законодательства и права за вторую половину XVII в.

Несколько слов о номенклатуре законодательных актов. Нет никаких сомнений в том, что номенклатура актов в первых трех томах ПСЗ определена верно. Единственное отклонение от фактуры XVII в., допущенное составителями ПСЗ, состоит в том, что указы, исходящие только от царя, названы именованными указами и соответственно указы, принятые совместно царем и Боярской думой, — именованными указами с боярскими приговорами.

Из общего числа учтенных нами 1458 актов на указы, исходящие от имени царя (именные), приходится 746 актов (51%), т. е. несколько более половины. Если сюда добавить 364 именных указа с приговором Боярской думы, то общая сумма указов (1110) значительно перекроет общую сумму других актов (348). Таким образом, в период становления форм законодательных актов доминирующей формой становится указ. Однако понятие указа не было еще твердо установившимся. С точки зрения дореволюционной юридической науки указы, чтобы стать законами, должны были быть закреплены думными дьяками.¹¹ Нам представляется, что такая формализация излишня. И хотя скрепы думных дьяков имеются во многих случаях, все же указы без них имели такую же силу закона, как и грамоты и указы, исходявшие от верховной власти.

Выше отмечено, что имеется 364 именных указа с боярским приговором. Это законодательные акты, принятые царем совместно с Боярской думой, что на официальном языке того времени значило: «царь указал, а бояре приговорили». Если же сюда прибавить 75 собственно боярских приговоров, то число актов, в принятии которых участвовала Боярская дума (439 актов), заметно превышает половину числа именных указов (746). В отношении приговоров бояр обычно указывается: «по указу великого государя бояре приговорили», что следует понимать в отличие от именованного указа с боярским приговором в том смысле, что царь указал боярам принять решение по такому-то вопросу, но это решение принято Боярской думой самостоятельно. В этом противостоянии именованного законотворчества и законодательной деятельности Боярской думы на стороне царя были также формы официальных актов, как грамоты и памяти. Составители ПСЗ не случайно включили в первые три тома большее количество грамот (233). Грамоты имели двойное значение. Одни из них служили средством доведения до должностных лиц (преиму-

¹⁰ Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. С. 33.

¹¹ Филиппов А. И. К вопросу о составе. . . С. 38.

идеально периферии) положений указов общего значения или нових распоряжений обычно частного и конкретного характера; другие содержали предписания более общего порядка, которые в дальнейшем могли стать материалом для новых указов.

Распределение законодательных актов по объектам их содержания дает такую картину. Значительный перевес именных указов над другими видами актов того же назначения имеет место в отношении военной службы и военных действий (134 указа), города и посадского населения (54 указа), внутренней и внешней торговли (74 указа), царской власти, центрального и местного управления (81 указ), государственных преступлений (13 указов), местничества (26 указов), производства в чины (11 указов), налогов (28 указов), кабацкого дела (16 указов), судопроизводства (37 указов). Из сказанного очевидно, что прерогатива царя в отношении мобилизации войска, его дислокации и распоряжений и период военных действий, предоставления отсрочек от судебных дел на время службы (в нашем случае об отсрочках 42 указа) была во второй половине XVII в. почти неограниченной. Царь был перхотным распорядителем военных сил государства. В подкрепление такого вывода следует принять во внимание, что от царей в это же время исходило 40 грамот полковым и городовым воеводам по разным вопросам мобилизации и дислокации служилых людей и 8 наказов и памятей преимущественно о смотре служилых людей. Таким образом, по военной линии от царей без официального участия Боярской думы исходило 182 законодательных акта, или 97% общего числа законодательных актов, относящихся к войне. Из 6 указов с приговором бояр в отношении войска только один приходится на время Алексея Михайловича (1659 г.) и один на время Федора Алексеевича (1678 г.), остальные четыре — на время совместного царствования малолетних Ивана и Петра. Три из указанных актов падают на начальные годы этого царствования, когда было сильным влияние бояр и прежде всего В. В. Голицына.

Устанавливая факт почти единоличной законодательной деятельности царя во второй половине XVII в. в области управления воинскими силами, мы не исключаем возможности предварительных советов царя с боярами, в особенности с так называемой ближней Думой. Но это не меняет картины. Тем не менее установленный нами факт вступает в противоречие с утверждениями ряда историков о том, что Боярская дума вместе с царем и даже единолично решала воинские дела.¹² К сожалению, никто из авторов, касавшихся этих вопросов, не привел доказательства своих мнений, ограничившись ссылками лишь на единичные законодательные акты и не дав их систематики в целом. Несколько особую позицию занял В. И. Сергеевич. Он утверждал, что царь прибегал к совету Думы только тогда, когда считал это нужным для себя. Но Сергеевич прав в одном: имеется масса единоличных актов московских государей по всем

¹² Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. 5-е изд. Пг., 1919. С. 486. Филиппов А. И. Учебник истории русского права. 2-о изд. Юрьев, 1914. С. 395.

вопросам. . . в которых и речи нет о каком-либо совете». ¹³ В советской литературе авторы, пишавшие о вооруженных силах России XVII в., не ставили вопроса о том, кому из верховных политических сил принадлежало верховенство в войске. Это было связано, очевидно, с тем, что историки в качестве общей посылки брали летописное определение политической формы Русского государства XVII в. как самодержавия с Боярской думой.

Распределение законодательных актов о вооруженных силах по периодам дает такую картину. На время с конца февраля 1649 г. по конец января 1676 г. приходится 67 именных указов, один указ с боярским приговором и 43 грамоты и наказа, итого 110 именных актов; при Федоре Алексеевиче (1676—1682 гг.) — 15 указов и 2 грамоты; при Иване и Петре (1682—1696 гг.) — 52 именных указа, 4 указа с боярским приговором и 2 грамоты и 1 наказ, итого 55 именных актов. Если даже принять во внимание наличие при Федоре сводного законодательного памятника в виде Статей о смотре и разборе дворян и детей боярских (26 статей), ¹⁴ и при Иване и Петре двух таких же актов-наказов и статей ¹⁵ (47 статей), то и в таком случае следует констатировать наибольшую законодательную активность в области вооруженных сил в 40—60-е гг. XVII в. Связано это с двумя обстоятельствами. Россия вела длительную и тяжелую войну с Польшей (1654—1667 гг.), усложненную военными действиями со Швецией. На это же время приходится реорганизация войска, создание и укрепление полков нового строя. ¹⁶

Другая сфера законодательства, где решительно преобладали указы от имени царя, имеет отношение к защите и укреплению государственного строя. Вопросы укрепления власти монарха и защиты его суверенитета связаны с законодательством относительно управления в центре и на местах, государственных и уголовных преступлений, местничества и т. п. В совокупности все эти разделы права содержат 178 именных указов, которым противостоит 43 именных указа с боярскими приговорами, отдельные боярские приговоры. Таким образом, почти политического, административного и военного управления государством были в основном в руках царя, что следует расценивать как важнейшее условие становления абсолютной монархии.

Значительное преобладание указов и иных законодательных актов только от имени царя (69 : 11) в отношении города и посадского населения находит объяснение в том, что правовое положение посадских людей приравнивалось к положению черносошных крестьян. И те и другие составляли исключительную прерогативу

¹³ *Сергеевич В. И.* Древности русского права. 3-е изд. СПб., 1908. Т. 2. С. 392—393.

¹⁴ ИСЗ. Т. II. № 744.

¹⁵ Там же. Т. II. № 1148. 1327.

¹⁶ *Епифанов Н. И.* Войско // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Часть первая. С. 241—251; *Калиниченко Ф. И.* Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 53—113.

царской власти и в ранней мере находились в феодальной зависимости от государства. Законодательное регулирование внутренней и внешней торговли получило широкий размах только после Соборного уложения 1649 г., что объясняется процессами становления всероссийского рынка и ростом внешнеторговых связей. Поскольку эти процессы связаны в значительной мере с городом и в таких крупных масштабах являлись новыми в экономике России, они также стали предметом правового регулирования преимущественно со стороны царской власти и главным образом в форме именных указов (97 : 30). Однако здесь имеется существенное исключение. Так называемый Торговый устав 1653 г., устранивший множественность торговых пошлин и заменивший их рублевой пошлиной, принят в форме именного указа с боярским приговором.¹⁷ Другой еще более крупный законодательный акт — Новоторговый устав 1667 г. — также принят с участием Боярской думы и скреплен ее приговором.¹⁸ Из остальных именных указов с боярскими приговорами в области торговли несомненно важное значение имеет указ и приговор 1677 г. об отмене тарханных грамот, в результате чего торговые промыслы патриарха, митрополитов, Троице-Сергиева монастыря и других крупных монастырей, именных льгот, должны были подлежать обложению пошлиной.¹⁹ Поскольку здесь затрагивались интересы верхов церкви и именных монастырей, царь, очевидно, нуждался в поддержке Боярской думы.

Противоположную картину дает законодательство в области землевладения — помещичьего и вотчинного, положения крестьян и холопов, сыска беглых из них. Здесь решительно преобладают или имеют высочайший удельный вес законы, принятые царем совместно с Боярской думой, и приговоры Думы. В сфере помещичьих и вотчинных дел именные указы с боярскими приговорами почти в полтора раза превышают именные указы (168 : 114). Если же к первым из них прибавить отдельные боярские приговоры (36) и ко вторым — грамоты и указы (12), то получим соотношение 204 : 126, из которого следует, что количество законов о землевладении, принятых с участием Боярской думы и самостоятельно ею, по отношению к количеству именных царских указов и грамот составляет 162 %, т. е. превышает их более чем в полтора раза. Но этим дело не исчерпывается.

Особенностью законодательства о поместьях и вотчинах служит то, что наряду с большим количеством указов, как именных, так и принятых с участием Боярской думы, существует ряд крупных сводных законодательных памятников, именуемых «Статьями» («Статьейными списками») и «Наказами». Таких за рассматриваемое время насчитывается 16. Из них исходящих от царя два: статьи 1672 г. о раздаче земель в Заозерных городах²⁰ и добавочные статьи ищцам

¹⁷ ПСЗ. Т. I. № 107.

¹⁸ ПРП. М., 1963. Вып. 7. С. 303—328; Российское законодательство X—XX веков. М., 1986. Т. 4. С. 116—145.

¹⁹ ПСЗ. Т. II. № 699.

²⁰ Там же. Т. I. № 522.

Белгородского полка.²¹ В обоих документах всего 15 статей. Приговору Боярской думы принадлежат тоже два документа: статьи о поместьях и статьи о вотчинах 1677 г.²² В обоих документах 64 статьи. Остальные 12 документов, в том числе Наказ помещикам 1683 г. и Наказ писцам 1684 г.,²³ приняты царем совместно с Боярской думой. В них — 260 статей. Если для более точного определения удельного веса форм законодательства в области землевладения добавить к каждой из них количество статей сводных памятников, то отношение количества законов, принятых царем с Боярской думой и Думой самостоятельно ($204 + 64 + 260 = 528$), к количеству законов, исходящих только от царя ($114 + 12 + 15 = 141$), будет еще более разительным — $528 : 141$, что составит 374 %, т. е. превышает их почти в 4 раза. Следует учесть, что от царя исходили предписания о раздаче и описании земель только по южной границе, включая Белгородскую черту, т. е. на территории, которая была в ведении Разрядного приказа, а не Поместного и как место сосредоточения служилых людей, поселяемых для охраны южных границ, находилась в исключительной компетенции царской власти. С 70-х гг. XVII в. началось проникновение в южные Черноземья помещиков центральных уездов.²⁴ Наделение их землей было исключительной прерогативой царя. В остальных районах страны все операции с поместьями и вотчинами осуществлялись через Поместный приказ, а в законодательном отношении — с ведома и с участием Боярской думы.

Соотношение числа именных указов и числа указов с боярским приговором, включая и собственные приговоры бояр, в области законодательства о землевладении со временем существенно изменялось. Число указов с боярским приговором росло в значительной прогрессии, в то время как число именных указов падало. Если в 60—70-х гг. число именных указов, включая грамоты, превышало число указов с боярскими приговорами почти вдвое ($57 : 33$), то в последующее время соотношение становится обратным: при Федоре Алексеевиче указы с боярским приговором и приговоры бояр превышали именные указы и грамоты более чем в 2.5 раза ($80 : 30$). В последующее время, с июня 1682 по январь 1696 г., при общем заметном возрастании законодательных актов в области землевладения возросло число указов с боярским приговором, но отношение их к именным указам несколько понизилось ($91 : 39$), т. е. превышение было в 2.3 раза. Однако для определения удельного веса различных групп законодательных актов необходимо также учесть наличие сводных памятников и индекс статей и наказов.

²¹ Там же. Т. II. № 1103.

²² Там же. № 700, 702; ПРП. Вып. 7. С. 86.

²³ ПСЗ. Т. II. № 890, 1103, 1178.

²⁴ Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Ист. зап. 1938. № 1. С. 21—40.

В 60—70-х гг. (до февраля 1676 г.) соотношение не менялось. При Федоре Алексеевиче было принято 10 сводных законодательных актов из общего их числа 16. Все они являются следствием совместного законотворчества царя и Боярской думы и содержат 171 статью. Добавляя статьи к общему числу указов с боярским приговором и приговором бояр, получаем соотношение: 251 (80—171) : 30, т. е. число законов, принятых с участием Боярской думы и ею самостоятельно, превышает число именных указов и грамот в 8 раз. В последующие 20 лет (до февраля 1696 г.) принято 4 сводных законодательных акта, содержащих 146 статей. Из них только один (добавочные статьи ищцам Белгородского полка) в составе всего 3 статей относится к именованным актам, и остальные 3 в составе 143 статей приняты совместно царем и Боярской думой. Опять-таки, беря число указов с боярским приговором и приговором бояр (89—2) и добавляя 143 статьи, строим отношение к числу именных указов и грамот: 234 (91+143) : 42 (39+3), т. е. число законов, принятых царем совместно с Боярской думой, в 5 с половиной раз превышает число именных законов. Итак, в динамике законодательства относительно феодального землевладения количество законов, принятых с участием Боярской думы, начиная с середины 70-х гг. в 5 и более раз превышает количество именных указов. Наиболее крупные сводные основополагающие законодательные акты почти без исключения приняты с участием Боярской думы. Но и в период 1649—1676 гг. удельный вес законов о землевладении, к которым была причастна Боярская дума, достаточно высок, превышает половину общего числа законов.

Это обстоятельство осталось не отмеченным ни одним из авторов, писавших о Боярской думе. В. О. Ключевский, признавая активное участие Боярской думы в законодательстве и касаясь законотворчества с Боярской думой и без нее, утверждал: «... из памятников московского законодательства не видно, чтобы эта разница в ходе дел зависела единственно от их свойства, сравнительной политической важности». Царь приказывал боярам «сидеть за делом».²³ Такое же суждение находим у В. И. Сергеевича: «Дума делает все то, что ей приказано сделать государем».²⁴ Остается неясным, почему царь почти без исключения приказывал думе «сидеть» за одними делами и почти никогда за другими? Следует отметить, что указанные авторы не предприняли попытки систематизировать все законодательство за какой-либо отрезок времени и ограничиться приведением отдельных законодательных актов, нередко за весьма отдаленное друг от друга время.

В советской историографии отмечена общая тенденция в развитии взаимоотношений царя и Думы в области законодательства в правильном направлении. Независимо от формуляра боярских приговоров (с царем или без него) «Дума обладала прерогативами высшей

²³ Ключевский В. О. Боярская дума. . . С. 451, 463.

²⁴ Сергеевич В. И. Древности. . . Т. 2. С. 425.

власти, участвовала вместе с царем в законодательном процессе и других сторонах правительственной деятельности. . . Через Думу с ее „приговорами“ прошли все наиболее важные законодательные акты, касающиеся феодального землевладения, крепостнических отношений, права и судопроизводства, финансово-податной политики и торговли.²⁷ Однако конкретных данных, которые показали бы степень причастности Думы к решению этих вопросов, здесь нет. Приведенные нами материалы как раз говорят о том, что ставить в один ряд перечисленные в цитате объекты законодательства едва ли правомерно. Эти объекты существенно различаются по степени участия Боярской думы в их законодательной разработке.

В отношении крестьян и сыски беглых на первый взгляд картина как будто бы несколько иная. В общей массе количество именных законодательных актов с учетом грамот за вторую половину XVII в. превышает количество актов, принятых с участием Боярской думы, в полтора раза (56 : 34). Но в этот расчет нужно внести два уточнения. В 1683 и 1692 гг. были приняты с приговорами Боярской думы два сводных законодательных памятника — указы о сыске беглых крестьян и холопов, состоящие из 59 статей. Это обстоятельство меняет указанное отношение в пользу законодательных актов, принятых с участием Думы. Если учесть, что оба указа относятся ко времени правления Ивана и Петра, то отношение законов, принятых при участии Боярской думы, к именованным законам в 1682—1696 гг. примет существенно иной характер: 3 : 1.

Значителен удельный вес законов, связанных с Боярской думой, в части определения и взимания налогов, кабацкого дела, финансов, судопроизводства и процессуального права. Все это старые области хозяйствования и управления, в которых позиции боярства были сильны с давних пор. И все же следует предостеречь от преувеличения роли Боярской думы в разработке законодательства данных объектов права. В. О. Ключевский, например, писал, что вопрос о налогах решался обыкновенно по приговору бояр.²⁸ В действительности количество именных актов о налогах превышало количество их с приговорами бояр в полтора раза (36 : 21). Нужен дифференцированный подход не только по объектам права, но и по периодам. Важно обратить внимание и на общие данные динамики законодательных актов. Если на время Алексея Михайловича приходится 617 актов за 27 лет, а на время Федора Алексеевича — 295 актов за 7 лет, то на время Ивана и Петра — 616 актов за 14 лет.²⁹ Соответственно в среднем за год в первом случае принято 23 законодательных акта, во втором — 42 и в третьем — 44 акта. Как видим, напряженность законодательной деятельности к концу века по сравнению с третьей четвертью его удвоилась.

²⁷ Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 311.

²⁸ Ключевский В. О. Боярская дума. . . С. 486.

²⁹ См.: ЛСЗ. Т. 1—III.

Рассмотрим периодичность и частоту принятия законодательных актов. При Алексее Михайловиче в 1649—1675 гг. в месяц обычно принималось от 1 до 5 актов, наиболее часто — 2—4 акта. Но в каждом году есть 2—3 месяца (не подряд), когда нет ни одного акта.²⁰

При Федоре Алексеевиче в 1676—1682 гг. на месяц обычно приходилось 3—7 актов, несколько месяцев — по 8—10 актов, а в отдельных случаях, в феврале 1676, — 11 актов, и марте 1680 г. — 18 актов. В последнее число входят 5 грамот с подтверждениями прежних пожалований монастырям. Из 7 лет только в двух годах имеется по одному месяцу, когда не было законодательных актов. При Иване и Петре за 1682—1695 гг. в месяц обычно принималось 3—8 актов. Но в июне 1683 г. было принято 15 актов, и марте 1688 г. — 15, в октябре 1689 г. — 9 актов. В 7 годах из 13 имеется по одному месяцу, когда не было законодательных актов. Эти цифры показывают, что законодательный механизм во второй половине XVII в. работал регулярно, четко, временами весьма напряженно, а количество законодательных актов в течение полу столетия непрерывно возрастало. Эти данные позволяют сделать заключение не только об увеличении числа актов и бурном его росте, но и о заметном увеличении частоты их принятия.

Все сказанное находит объяснение в реальных процессах роста феодального землевладения, городов, торговли, усиления крепостного права, в процессах централизации и бюрократизации государственного аппарата во всех его звеньях, в развитии и становлении норм судопроизводства, гражданского и уголовного права. Но важно отметить и другое. В части законодательства о поместьях и вотчинах, сыске беглых крестьян, судопроизводстве и гражданском праве в значительной прогрессии росло количество законодательных актов, принятых с участием Боярской думы. Это находит объяснение прежде всего в процессе роста законодательства в целом, но не только в нем. Поскольку в последние два периода отношение числа именных актов к числу актов, принятых с участием Боярской думы, резко изменяется в пользу вторых, напрашивается суждение, что активность Боярской думы в сфере законодательства (равно как и управления) была обратно пропорциональна силе и значению самодержавной власти.

Наибольшей силы самодержавная власть достигла в XVII в. при Алексее Михайловиче. Сам царь в письме к кн. Г. Г. Ромодановскому так определял предназначение своей власти: «Бог. . . благословил и предал нам, государю, правити и рассуждати люди своя на востоке, и на западе, и на юге, и на севере и правду, и мы бояния дела и наши, государевы, на всех странах полагаем смотри по человеку. . .»²¹ В уписи этому Г. Котошихин писал об Алексее Михайловиче как о «самодержце», который «государство правит по своей

²⁰ Здесь и далее данно приводятся по ПСЗ (т. I—III).

²¹ Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. II. С. 774.

воле, что хочет, то уничтожить может.²² Тем не менее царь разделял управление страной с Боярской думой и патриархом, а отчасти и с земскими соборами, которые выступали в качестве совещательного органа. Но разделял власть таким образом, как показывают многие материалы, в том числе и законодательные, что заметный перевес был на стороне самодержавца. Этот процесс шел и дальше в том же направлении, но особенности субъективного фактора дали возможность Боярской думе со второй половины 70-х гг. усилить свое влияние во всех областях государственного управления. В кратковременное правление болезненного Федора Алексеевича, а затем малолетних Ивана и Петра при регентстве Софьи, а после нее при Л. К. Нарышкине, правившем от имени обеих царей, Боярская дума значительно укрепила свои позиции в законодательной сфере. Но это не было феодальной реакцией, поскольку сами Дума претерпели существенные изменения не только в своем составе, но и в назначении. Не утрачивая полностью своей сословной обособленности, Боярская дума под воздействием бюрократизации государственного аппарата все более превращалась из органа боярской аристократии в орган приказной аристократии, что делало ее составной частью все более единого государственного аппарата. Одним из признаков этого было создание при Думе высшей судебной инстанции — Разрядной палаты (1681—1694 гг.). Все это ослабило к последнему десятилетию значение Боярской думы как сословного органа.

Однако и в этот период ее воздействие во всех отраслях управления и законодательства не было однозначным. Прежнее соотношение сохранялось. В наименьшей мере влияние Думы сказалось в законодательстве по военным делам, о городе и посаде, торговле, и наибольшей степени — в судопроизводстве, уголовном праве и особенно в области сыска беглых крестьян и землевладении, где позиции Боярской думы были подавляющей. Само собой разумеется, что при Иване и Петре именные указы не принимались и даже не санкционировались ими, все делалось от их имени правящими лицами — Софьей и В. В. Голицыным, а позднее Л. К. Нарышкиным. Государственный аппарат был настолько прочным, что срабатывал сам по себе в нужном направлении.

Общий подъем законодательства в сфере землевладения был связан с процессами новых описаний земель с конца 70-х гг., готовивших переход от посессионного обложения к подворному, и с обширными мероприятиями по межеванию земельных владений. Но как бы то ни было, подъем законодательной активности Думы с конца 70-х гг. вступал в определенное противоречие с объективным процессом постепенного перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму, притормозил этот процесс, делая еще более очевидной необходимость преобразований в социальной и политической сферах. Такова была ситуация к моменту возмужания Петра и перехода его к самостоятельному правлению.

²² Котова Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 127.

Анализ законодательства показывает, что Боярская дума еще прочно держала в своих руках во второй половине XVII в. важнейшие рычаги феодальной экономики и социальных отношений и в этих сферах как сословное учреждение в большей мере, чем где бы то ни было, ограничивала власть царя. Причины такого положения кроются в противоречивости реального процесса усиления царской власти и вызревания предпосылок перехода к абсолютизму. Именно в сфере феодального землевладения наиболее сильны были традиции прошлого, менее всего сказывались новшества. Наоборот, сфера внутрисословных вопросов и государственных институтов, включая войско, претерпела наибольшие изменения, что дало возможность крепнущей царской власти взять в свои руки бразды правления и, опираясь на государственный аппарат и законодательный пресс, обеспечить себе суверенитет в наибольшей степени прежде всего в военно-политической сфере. Таким образом, законодательство и право второй половины XVII в. дают нам ключ к пониманию некоторых особенностей перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму. А взаимодействие в сфере законодательства двух политических сил — самодержавия и Боярской думы — позволяет хотя бы частично раскрыть конкретное содержание высказывания В. И. Ленина об основной особенности государственного строя России XVII в. как самодержавия «с боярской Думой и боярской аристократией. . .».¹³ Анализ законодательства второй половины XVII в. подводит нас к пониманию предпосылок преобразований первой четверти XVIII в.

И. А. ЧЕРНЯКОВА

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПИСЦОВОЙ КНИГИ ЗАОНЕЖСКИХ ПОГОСТОВ 1628—1631 гг.

Источниковая значимость писцовых книг общепризнана. Их историография измеряется более чем столетием исследовательского труда, и введение в научный оборот вновь открытой писцовой книги — событие уже давно нечастое. Поэтому понятны активный и плодотворный поиск новых способов извлечения информации из сохранившихся до наших дней писцовых книг и попытки расширения их круга путем реконструкции утраченных описаний.¹ Настоящая статья посвящена восстановлению основных показателей не дошедшей до

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 340.

¹ Иванова Л. И. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг 20—30-х годов XVII в. как источника по исторической географии: (на материалах Углической земли) // ВИД. Л., 1982. XIII. С. 193—209; Павлова А. И. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг: (на примере писцовой книги Старицкого у. 1624—1626 гг.) // Там же. 1985. XVII. С. 100—120; Воскобойникова Н. И. Писцовая книга Ярвенского уезда 1628—1629 г.: (Отрывки. Реконструкция) //